

ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА ТИХОМИРОВА

Доцент кафедры теории,
истории культуры и музеологии
Новосибирского государственного
педагогического университета.

Кандидат культурологии.

Докторант Российского государственного
гуманитарного университета.

E-mail: imktikhomirova@mail.ru

УДК 373.31

ЯЗЫК И КУЛЬТУРНЫЙ КОД: АНТРОПОЛОГИЯ АЗБУКИ

**работа выполнена при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта
«Построение неклассической антропологии. Новая онтология человека»
(грантовое соглашение № 14-18-03087)**

В статье автор обращается к анализу культурных кодов, их репрезентации в славянских алфавитах и текстах учебных азбук. Делается попытка показать, что с течением времени культурные коды, имеющие ключевое значение для выживания человека как существа культурного, нравственного и духовного, перестают транслироваться в текстах азбук, деформируются или заменяются другими. Выдвигается гипотеза о том, что в истории русской культуры азбуки были способом осознания себя и мира, самовыражением, передачей мышления в личную культуру, давали практику построения отношений и существования в отношениях, были духовной практикой поиска истины. На современном этапе констатируется утрата нормативности в передаче языковых и культурных универсалий. Структуры повседневности, которые игнорируют или затемняют универсальные смыслы человеческой деятельности не могут стать полноценным культурным ресурсом. Анализ обширного материала русских учебных пособий для обучения грамоте позволяет автору сделать теоретические выводы, полезные как для теории культуры, антропологии, так и для лингвистики.

Ключевые слова: антропология, алфавит, азбука, культурные коды, культура, культурная универсалия, языковая универсалия, бинарные оппозиции, культурная норма, слово, концепт, субъект, действие, объект, деятельность.

Elena E. Tikhomirova

LANGUAGE AND CULTURAL CODE: ALPHABET ANTHROPOLOGY

In article the author addresses to the analysis of cultural codes of their representation in Slavic alphabets and texts of educational alphabets. Attempt to show becomes that eventually, having key value for a survival of the person as beings cultural, moral and spiritual cultural codes, cease to be broadcast in texts of alphabets, are deformed and whether are replaced with others. The hypothesis that in the history of the Russian culture of the alphabet were way of understanding of and the world, self-expression, transfer of thinking to personal culture is made, gave practice of creation of the relations and existence in the relations, and were spiritual practice of search of truth. At the present stage, loss of a normativity in transfer of language and cultural universals is stated. Structures of daily occurrence, which ignore or darken universal meanings, human activity cannot, according to the author to become a full-fledged cultural resource. Extensive material of the Russian manuals for training in the diploma, allows the author to draw the theoretical conclusions useful as for the theory of culture, anthropology, and for linguistics.

Keywords: anthropology, alphabet, cultural codes, culture, cultural universal, language universal, binary oppositions, cultural norm, word, concept, subject, action, object, activity.

В связи с изменением человека появляется его новое видение, представление о вхождении в культуру не по единому универсальному пути, а разными путями, через акт овладения человеком «...некоей внешней, предзаданной, извне существующей формой жизни и культуры. На этом строится вся психология развития. Извне дана культурная форма, человек берет ее как чужую, овладевает ею и делает своей. В этом концепте развития будущее связано с усилием и волением этого индивида, который овладевает культурной формой. Будущее скрыто и предопределено тем, что этот индивид желает сейчас и что он переживает сейчас как недостаток чего-то в будущем. Но это будущее переживается сейчас, причем как то, чего недостает. Потому субъект и стремится в будущее через освоение, овладение, преодоление. Здесь будущее связано с усилием, волением, субъектным действием» [Смирнов С. А. 2010: 317].

Современные исследователи, разрабатывающие концепты антропопрактик, утверждают, что история — это процесс «антропосинтеза» человека, сабирания проектов человека, которых было много. За признанием идеи мира миров идет признание миров человеческих. Проекты человеческие лепятся, конструируются, созидаются. Они рукотворны, создаются посредством культурных практик. Антропотехника — способ, метод становления человека, человеческого в человеке. Необходим поиск кардинально нового способа бытия человека, построенного на принципах автопоэзиса [Смирнов С. А. 2011]. Человек постоянно пребывает в режиме самоопределения и самопреодоления, экстатирования и трансцендирования. Ресурсом развития является опора не на элитные части культуры, не на багемность утонченных структур (привычное представление о культуре), а на структуры повседневности, превращение их в культурный гумус, культурный ресурс, включение в новый антропологический тип всех структур, не только тех, что привычно относятся к культурным практикам (философия, религия, искусство), но и повседневных и экзистенциальных.

В связи с этим хотелось бы обратиться к антропопрактикам овладения универсальными смыслами культуры через культурные коды, заложенные в азбуках,

которые первоначально относились к классическим, образцовым текстам. Через их заучивание, цитацию происходило присвоение, освоение культурных и языковых универсалий, создавались условия для эффективного диалога *человек — человек*, *человек — трансцендентное, человек — мир*. Таким образом человек вводился в универсализирующую пространство языка и культуры.

Универсум, отраженный в алфавите и воплощенный в библейском изречении «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, говорит Господь...» (Откр 1. 8), которое является сакральным наименованием Бога и символом Бога как начала и конца всего сущего, кодируется визуальными и вербальными кодами, которые находятся в отношениях дополнительности и должны обеспечивать полную и адекватную передачу и декодирование информации.

Азбука во всех значениях, по замечанию Ю. С. Степанова, «есть одновременно код и текст, излагающий этот код. ...Можно сказать, что алфавит — это матрица, “форма для отливки”, переливающая собственные признаки букв — в частности, имена букв — в новую систему. Одной из сторон этой системы является то, что она представляет собой текст. Алфавит — мощный и типологически очень древний текстообразующий фактор» [Степанов Ю. С. 1991: 23].

Вероятно, во всех письменных традициях принято придавать повышенный, символический статус буквам, посредством которых формируется, фиксируется, создается и передается далее представление о мире, в котором отражается и душа человека. Толкованию и часто сакрализации подлежат и графические оболочки букв, и их названия, звуковые и числовые значения. Запись имени Бога с помощью одних согласных в древнееврейском письме в Византии была осмыслена как тайное выражение смысла имени. Над ним ставилась черта как средство графического выделения. Позже в византийской и славянской письменности сокращения святых слов и черточка над ними были осмыслены как знак сакральности. По-славянски этот надстрочный знак назывался титло (от греч. *titlos* — надпись); выражения писати взметом, писати с покрытием означали «писать под титлом»: БГЬ — «Бог», БЛЖНЬ — «блажен», АГГЛЬ — «ангел», НБСНЬ — «небесный», ОЦЬ — «отец», ДША — «душа»). В орографии XVI–XVII веков правило о титле требовало священные слова «писать с разумом, почитать взметом или покрытием как венцом славы; мать Божию Марию и мучеников христовых под титлом писать» [Ягич И. В. 1910: 712, 721]. В некоторых руководствах сказано, что слова ангел, апостол, архиепископ, написанные без титла, означают ангела или апостола сатаны [Калайдович К. Ф. 1824: 198].

Первоучители и просветители славянских народов Кирилл и Мефодий в IX веке создали глаголицу и кириллицу, церковнославянский язык для перевода церковных книг и проповеди христианства; они почитаются как святые у православных, у католиков как «учители словенские».

Культурная миссия славянских алфавитов состояла не только в просвещении, но и в универсализации письма всех славян, они стали инструментом введения славян в высокую византийскую культуру, входления в процессы глобализации, в единое пространство христианской культуры. Кроме того, славянские алфавиты стали проекцией самых общих ментальных структур на систему письменности, стали культурообразующим текстом во всех смыслах.

Н. И. Толстой, В. Кипарский и некоторые другие видные слависты разделяют существующую в славянской филологии гипотезу, согласно которой первая буква этой азбуки, имеющая подобие креста, и является прямо и непосредственно знаком креста, символом Бога [Толстой Н. И. 1984: 53–55]. Все буквы глаголицы,

созданной Кириллом, являются сложениями из трех божественных символов — креста (знака креста), треугольника (символ божественной Троицы), круга (символ всемогущества, бесконечности и совершенства Бога) [Степанов Ю. С. 1991: 27]. Молитва Константина, которая начинается словами «Аз словом сим молюся Богу», — одно из древнейших церковнославянских стихотворений с азбучным акростихом. В азбучном акrostике левый край строк составлял алфавит, Константин в этой молитве имел в виду глаголицу. Это молитвенное обращение автора по завершении сборника воскресных проповедей к Святой Троице с похвалой Крещению славян: «Летить бо ныне и словенъско племя // К Крещению обратишася въси // Людь твои нарещися хотяще». Константин осмысливает свое служение как продолжение святого дела просвещения Кирилла и Мефодия: «Шьстую ныне по следу учителю. // Имени ею и делу последуя, // Яве сътворю евангельско слово» [Родник 1990: 144–145]. Молитва Константина использует имена букв как слова (аз, живущим, зело, люди, херувим). В других строках используются контекстуальные синонимы к именам букв — слова, означающие ценности той же сферы, что и соответствующее имя буквы: «видимые», «да вдохнет слово», «еже будет», «закон», «милости твои» (т. е. Божьи), «отец» (Бог), «помощи просиящий», «сила» (божья), «ты» (т. е. Бог, основатель тверди и держатель порядка) [Там же: 144–145].

В азбуке Кирилла и Мефодия и в азбучных молитвах авторы кодировали сакральные смыслы, а названия букв оформлялись в базовые концепты культуры вообще и русской культуры в частности. Были выделены субъекты культуры: *аз, люди, добро, благо, бог; объекты деятельности: буквы, слово, земля, покой; способы деятельности: веди, глаголь, есть, живете, мыслете, рцы.* Деятельность описана в грамматических формах перфекта и повелительного наклонения, являющихся универсальными составляющими культуры, понимаемой как поле запретов и долженствований. В центре визуального кода стояла сама буквенная графика.

Первой печатной азбукой на церковнославянском языке в русской редакции стала «Азбука» Ивана Фёдорова (1574 г.). Книга не имеет никакого заглавия, поэтому ее называют и азбукой, и грамматикой. Автор излагает поучения о воспитании, которое совершать нужно «в милости, в благоразумии, в смиренномудрии, в кротости, долготерпении, приемлющи друг друга и прощение дарующе».

«Букварь языка славенска», изданный в городе Вевис (русское название Евье — город в Литве, где с 1612 по 1812 г. работала типография, основанная Б. Огинским, в которой печатались славянские книги), — «руковожение», подготовленное иноками Виленского монастыря 24 июля 1618 г. В заключительной части в форме пересказа библейских истин учащимся предлагаются правила и нормы поведения: «...Не сотвориши себе кумира, и всякаго подобия, елика на небеси горе и елика на земли низу...»; четыре добродетели — «мудрость, целомудрие, правда и мужество»; семь даров — «премудрость, разум, совет, крепость, ведение» (т. е. знание) и т. д.; «сице творити человеком, яко же нам от них творимо бытии хощем...». В евьинском букваре появляется 19 примеров со словом *человек*; нет в качестве примеров для склонений слов: *архангел, апостол, зиждитель, крест, мученица, престол, пророк, Рождество, Троица, Христос*. А при склонении слова *Бог* используются разговорные формы: *богов, боги*.

В «Грамматике славенской», главном филологическом труде восточных славян в XVII веке (1619, 1648 гг.), Мелентий Смотрицкий подчеркивал необходимость сознательного усвоения учебного материала — «умом разумей слова». Им были выдвинуты рациональные ступени обучения: «Зри, внимай, разумей, рассмотряй, памятай» [Смотрицкий М. 1979: 3].

Вплоть до конца XVIII века буквари и другие учебно-назидательные книги составлялись в соответствии с требованиями «Домостроя» протопопа Сильвестра — свода правил общественных и семейных отношений средневековой Руси. «Букварь славяно-российских писмен уставных» Кариона Истомина, просветителя, поэта, художника, монаха Чудова монастыря, — иллюстрированная книга, расписанная красками и золотом. Букварь представляет собой 43 гравированных на меди и сброшюрованных листа. В основе книги лежит принцип наглядности, метод «забавляя, поучать», продолжающий европейскую традицию чешского педагога Яна Коменского. Каждой букве была отведена страница, в верхней части которой располагалось изображение буквы в виде человека, стоящего в разных позах, далее эта буква была представлена уставом и скорописью на европейских языках: церковнославянском, греческом, латинском, польском; ниже изображены предметы, названия которых начинаются с этой буквы, выражающие идеи Проповеди.

В букварь включены только молитвы. В рукописном виде «Букварь», расписанный золотом и красками, был преподнесен Наталие Кирилловне, матери Петра I, в 1692 г. для ее внука царевича Алексея. Одновременно шла работа по подготовке «Букваря» к печати. Это оказалось весьма непростым делом, ведь в книге более 400 иллюстраций. Поражает их разнообразие. Здесь изображены сказочные, мифологические, библейские существа и персонажи (*змей, аспид, иппокентавр, Адам, Афродита, Гамаюн* и т. д.), люди разных профессий (*звездозаконник, историограф*), части света (*Америка, Африка, Азия*), предметы, применяемые в богослужении (*потир, хоругвь, митра, купель, аналой*). Это превращало букварь Истомина из богоугодной книги в иллюстрированную энциклопедию «гражданских обычаем и дел правных». Тексты и иллюстрации представляли практически весь духовный и материальный универсум в их неразрывной связи. Этот «Букварь» продолжал поддерживать духовно-нравственные традиции воспитания, поскольку включал гравюры базовых мировоззренческих концептов *воскресение Христово и поклонение пастухов*, молитвы, заповеди, собрание прозаических отрывков из сочинений святителей Григория Богослова, Василия Великого и Иоанна Златоуста.

Учебники допетровской эпохи (второй половины XVI — XVII века) содержали новации. Среди базовых концептов появляется человек, стремящийся к знанию, находящийся в нормативном пространстве православной культуры. Мир расширяется и представляется познаваемым.

С приходом Петровской эпохи главной задачей азбук стала подготовка образованных граждан и людей, способных к практической регулярной деятельности на благо отечества. Развитие книгопечатания при Петре I требовало упрощенных начертаний русских букв, сближающих их с латинскими. Своим указом 1708 г. царь ввел на Руси так называемый гражданский шрифт, собственноручно вычеркнув из старославянского алфавита некоторые «лишние» буквы кириллицы. В 1708–1710 гг. с санкции Петра I была проведена реформа русского письма. Гражданские (светские) книги стали печатать округлыми и легкими, поэтому как бы светлыми шрифтами. Кроме того, в гражданской печати и письме перестали использовать некоторые буквы церковнославянской азбуки (кириллицы), избыточные для русской фонетики. Церковные книги печатали по-прежнему, сохраняя все знаки кириллицы и само начертание букв, близкое к древнейшему торжественному почерку церковнославянских рукописных книг — уставу. Однако старообрядцы долго не могли смириться с утратой прежней кириллицы. Еще в середине XX века они говорили: «Гражданская грамота от антихриста» [Даль В. И. 1996: 87].

При реформировании графики Петром I новый шрифт получил название «гражданский», или «гражданица», так как этим шрифтом печатались книги светские, но не церковные. Буквы, как и людей, переодели в европейскую одежду, и это больше, чем метафора. Можно заметить, что пошло во многом формальное изменение визуального кода. Листок «Ведомостей» выглядел по-европейски, в то время как до реальной свободы слова и печати было еще далеко. В оппозиции иметь или быть на данном этапе было выбрано иметь. В народе трепетное отношение к рукописям уступало только любви к иконам. При угрозе пожара первой спасали все-таки икону.

Петр сначала сферой применения реформированного алфавита предполагал книгопечатание, но постепенно реформа, которой он постоянно занимался, приобрела для него особый смысл. Реформа азбуки стала знаковым явлением Петровской эпохи. Для русского человека это был конец «симфонии» светской власти и церкви. Гражданская азбука была стилизована под латинский алфавит. В сознании русских из средства сопротивления католицизму «гражданская кириллица» превратилась в проводника его влияния. Однако иностранцы и местные западники продолжали считать обновленное отечественное письмо недостаточно совершенным, усматривая чистое совершенство в латинице. Кириллица в первоначальном виде была отодвинута на периферию культурных процессов. Часть первоначально исключенных букв Петру I пришлось восстановить, как считают, под нажимом духовенства. Таким образом, даже борьба за рациональный алфавит не была свободной от идеологических влияний.

Так, в «Азбуке гражданской с нравоучениями» 1710 г., напечатанной нововведенным гражданским шрифтом, в качестве материала для чтения предлагаются тексты с духовно-нравственным содержанием — «Нравоучения от Священного Писания по алфавиту избранные». Здесь на каждую букву алфавита приводятся три-четыре фразы учительного, нормативного характера. После введения гражданского шрифта одним из первых образцов азбук стала «Азбука», входившая составной частью в «Юности честное зерцало» (1717 г.). Кроме собственно азбуки в ней даны правила поведения в обществе, статьи о добродетелях юношей и девушек. Появление таблиц слогов, цифр и чисел символизирует новое представление о рационально устроенном мире, который можно и нужно измерить, вычислить, изучить, был бы человек способен к тому, инициативен, желал бы себя строить.

Букварь Феофана Прокоповича «Букварь, или Первое учение отроком с катехизисом» 1720 г. был напечатан гражданским шрифтом; содержал сведения по грамматике, арифметике, истории, географии. Основные главы учебника по обучению грамоте «Первое учение отроком» Феофана Прокоповича посвящены толкованию Закона Божия, молитв и девяти блаженств.

В азбуках послепетровской эпохи особое внимание уделялось не только формированию человека-христианина, но и государственным воспитательным потребностям, воспитанию гражданина, обучению, отвечающему государственным потребностям.

В XIX веке появились дорогие, красочно оформленные учебные книги. Картинная азбука, выпущенная в свет петербургским издателем Плавильщиковым, состоит из 34 гравированных на меди раскрашенных копий с карикатур известного художника И. И. Теребилова. Он восхищался подвигом простых крестьян. Его карикатуры на наполеоновскую армию стали иллюстративным материалом для алфавита. На букву *Д* изображены французские солдаты, покидающие Москву: «Домой пора! Марш! Марш! Довольно погостили. Без носу, рук и ног в чепцах нас

отпустили». Самые известные сюжеты имели политический подтекст: «Французские крысы в гостях у старости Василисы», «Вороний суп», «Русский Сцевола». Первое издание для детей в истории русской культуры воспитывало патриотизм и гордость за Россию.

Азбука в картинках «Народы земного шара» (1820 г.) не содержала текста, картинки изображали жизнь и быт разных народов (например, венгерцы, тунгузы, чукчи, швейцарцы, лапландцы), она содержала только надписи, в завершение были представлены карты Европы, Азии, Америки, Австралии и двух полушарий для создания представления о мире в целом.

«Родное слово» К. Д. Ушинского, выдержавшее 147 изданий, включало «Азбuku» и «Первую после азбуки книгу». Оно имело целью «упражнять все способности дитяти вместе с ученьем грамоте, развивать, укреплять, давать полезный навык, возбуждать самодеятельность и как бы мимоходом достигать обучения чтению и письму» [Ушинский К. Д. 1864: 4].

В 1872 г. вышла «Азбука» Л. Н. Толстого (в 1875 г. — «Новая азбука»), которая стала событием в педагогике. Эту работу писатель считал выполнением своего долга перед народом. Она в значительной степени оправдала надежды автора. А между тем многим казалось, что начальное обучение — дело, недостойное таланта великого писателя. Он создал литературу для детского чтения. Многие из его детских рассказов и поныне входят в хрестоматии и буквари: «Филипок», «Три медведя», «Акула», «Прыжок», «Лев и собачка», «Кавказский пленник», рассказы о Бульке. Кроме того, в «Азбуке» встречаются нравоучительные пословицы (*На нет и суда нет; изба крепка запором, а двор забором; Труд человека кормит; Никто не может, так Бог поможет*) и рассказы из крестьянской жизни — «Подкидыши», «Камень», «Пожар», «Как я перестал бояться слепых нищих».

Каждая страница «Азбуки в картинках» русского художника, историка искусства А. Н. Бенуа (1904 г.) — удивительный, завораживающий сказочный мир. Буквы, стилизованные под церковнославянский алфавит, изящно расположены рядом с композициями на сказочные сюжеты. Арап с кривым мечом открывает азбуку. Широко в азбуке представлены Восток, интерес к которому в начале XX века появляется и в театральном искусстве, и в литературе (*араб, Египет*); сказки (*великан, баба-яга*); европейские мифологические персонажи (*эльфы, волшебник, карлик, рыцари*); детский быт (*дед, мама, жмурки, игрушки, озеро, бай-бай, счастье*). На периферии находится экзотичная буква *Ф*, что делает экзотичным и пример из христианской жизни — *фимиам*. Второй пример с христианской тематикой на *и* (*десятеричное*): *Иона*. Иона стоит особняком среди ветхозаветных пророков, потому что ему выпало пророчествовать не в землях иудейской и израильской, а среди язычников, что должно говорить о любви Господа ко всем племенам и народам, а не только к избранному им народу Израиля. Причем на этой же странице есть еще врач с *иодом*, он находится как врезка над иллюстрацией об Ионе, а ведь клейма использовались в иконах. Светское и рациональное заняло верхний правый угол как иерархическая вершина этого культурного текста.

Азбука И. Д. Сытина 1911 г. содержала буквы, слоги, картины русского быта. На одной странице изображены сценки: дрессированный медведь, мельница, няня с детьми, овцы; на другой — рыбак удет рыбу, сова взлетает с ветки, слон идет и трубит, лошадь, которую под уздцы ведет крестьянин, везет телегу. Деятельность человека кодируется визуально и вербально.

Азбука Елизаветы Бём (1913–1914 гг.) — оригинальный альбом в сказочном стиле. Она дает возможность представить старинные монеты, быт в Древней Руси

(кафтан, колокол, бархат, береста), кто такие писец, боярин, книжник. На каждой странице азбуки изображены драгоценные камни. Знание — драгоценность, преумножающая свою ценность во времени. Мир, время и пространство Древней Руси представляются как идеал этический и эстетический. Так, на странице с буквой *А* — аметист, далее — азбука, ангел; около буквы *Б* — бирюза, затем — братина, бусы, бублики, брусника; *Г* — глаголь, грамота; *Д* — добро. На обложке — св. пророк Наум, по преданию, патрон науки, как и гласит русская пословица: «Пророк Наум, наставь на ум!». Детей начинали обучать грамоте 1 декабря, в день св. пророка Наума. Образцом для азбуки послужили «Буквицы» времен царя Алексея Михайловича.

Настали революционные, затем советские годы. 23 декабря 1917 г. Народный комиссариат просвещения издал декрет о введении нового правописания. 10 октября 1918 г. Советом народных комиссаров был издан специальный декрет, подтвердивший декрет Народного комиссариата просвещения. Второй декрет был вызван необходимостью расширить сферу применения новой орфографии, утвердить ее во всей советской печати. Реформа 1917–1918 гг. была актом первостепенного общественного и культурного значения. Она была призвана изменить «буржуазный» облик текстов, отречься от этого облика, упростить выработку навыков письма и чтения у безграмотного населения. Изъятые из алфавита буквы *ять, фита, і* (*десятеричное*) остались в прошлом вместе с текстами, написанными с их применением.

В период ликвидации неграмотности были изданы азбуки разных типов: для городов и сел, для разных возрастных категорий, для курсов и кружков. Каждая буква несла новую идеологию, должна была способствовать ликвидации безграмотности, которая стала еще одним фронтом. В 1919 г. в Москве вышел «Военный букварь» с подзаголовком «Походная энциклопедия». В нем на *К* первым примером была *каша*, а уже за ней следовали *карта, кит, клен, колено, комар, консул, комиссариат, куртка, конница, коммуна, корабль, конституция, коммунизм*. В качестве коротких предложений впервые появляются примеры для чтения: *большевик, революция, пролетариат, Маркс, Ленин*. На букву *З* дается текст: «Наши советы — Ленина заветы. Заветы Ленина — это наш путь. Наш путь — путь Ленина». Источником символизации концепта *пути* в православной культуре является текст «Азъ есмь путь, истина и животъ» (Ин 14. 6), в революционное же время модель праведного поведения, жизни и мировосприятия оказывается непосредственно связанной с учением и практикой советской республики.

«Мы не рабы, рабы не мы» — фраза из первой советской азбуки «Долой неграмотность: букварь для взрослых» (1919 г.). По словам фраза может читаться как слева направо, так и справа налево. Ее можно написать двумя способами: «Мы не рабы, рабы не мы» и «Мы — не рабы! Рабы — немы!» В 1920–1924 гг. издается первый массовый букварь для взрослых Д. Ю. Элькиной.

«Ручеёк» Л. Богоявленского пропагандирует жизнь пионеров, артельные работы, труд на заводе, революционные праздники, жизнь Ленина. Показателен текст о батрачке Груше, которая ушла от кулака, вступила в комсомол. Послали ее в Новосибирск в партишколу, вернулась она, и ее выбрали в сельсовет. Главный посыл: «Кто был ничем, тот станет всем». Оппозиции *мужское — женское, социальные низы — социальные верхи* утрачивают маркированность или даже меняют знаки с плюса на минус. В одном из текстов читаем: «Мы азбуку кончили. На сорок человек стало меньше неграмотных» [Богоявленский Л. П. 1926: 78].

Особое место в азбуках в послереволюционные годы, вплоть до перестройки, стала занимать метафора «пища телесная», во многом вытеснившая метафору

«духовная пища». Характерный пример находим в «Розовой азбуке» (1918 г.): «Пришла Лиза из сада. Позвала папу... Они кушали кашу и суп. А коту мама дала кусок сала» [Соловьёва Е. Е., Конашевич В. М. 1918].

«Советская азбука» В. В. Маяковского (1919 г.) пытается воссоздать бытовавший в прошлом жанр «сатирических азбук», она писалась и иллюстрировалась вручную на плохой бумаге (хотя можно было найти и хорошую), чтобы показать страшную ситуацию Гражданской войны. Частушка в «Советской азбуке» на букву Т: «Тот свет буржуям очень сладкий, // Трамваем Б без пересадки. // Попы занялись делом хлебным — // Погромщиков встречать молебном» [Маяковский В. В. 1919].

Текст азбуки «Живые буквы» С. Я. Маршака написан как бы от лица ребенка и воссоздает интонацию детской речи. Художник В. Лебедев выполнил на литографском камне всю книжку, подражая неправильности и небрежности детского почерка; во многих иллюстрациях имитированы приемы детского рисунка. Текст «Алик — авиатор. // Боря — барабанщик. // Влас — водопроводчик. // Глеб — гранатометчик. // Дима — детский доктор...». Текст кодирует возможные пути приложения жизненных сил. Обращает на себя внимание фраза «Ева ездит в цирке на коне верхом» и еще: «Зинаида — зодчий» — обе знаменуют активное включение женщин в социальные связи. На букву Я: «Яков с малолетства стал языковедом, // Яков в нашем доме очень знаменит. // Яков по-якутски говорит с соседом» [Маршак С. Я. 1940]. Говорение по-якутски указывает на распространение грамотности среди северных народов, написание для них азбук. В последующих изданиях, перед войной, Яков заговорил по-японски, определяя направленность вектора политики партии на восток. В целом азбуки того времени воспитывали человека нового мира, делали борьбу за всемирную революцию делом всей жизни, кодировали новые реалии и новые социальные приоритеты. Советские азбуки С. Я. Маршака создавали человека новой эры коммунизма.

В дальнейшем буквари освободились от столь явного классово-идеологического акцента. Алфавит символизировал Вселенную во времени и пространстве, придавая букварю значимость целостной картины мира, но только материального, очень телесного, близкого.

Букварь А. И. Воскресенской, утвержденный Наркомпросом РСФСР, выстраивал линию на сознательное воспитание ответственности за будущее Родины, прославлял подвиг народа в Великой Отечественной войне. «Родина, победа, работа, забота», — примеры для чтения выстроены в одном столбце и образуют микротекст. Показателен в этом смысле и текст: «За Родину! Ура! Ура! В бой! За Родину! Пошла наша пехота в бой. Велика сила нашей пехоты. Наш полк победил. Ура! Наша победа» [Воскресенская А. И. 1945].

В 1950-х годах азбуки А. И. Воскресенской переиздаются. Восстановление мирной жизни, ликвидация голода и разрухи возвращают к прежним метафорам: «Там кот. Тот кот сыт. Там Том. Наш Том сыт. Кот, Том сыты... У мамы Настя... а тут каша. Сыта наша Ната. <...> Волы сыты. <...> Корова сыта... Наша коза сыта. <...> Жук сыт». Мирная жизнь находит отражение в текстах: «Купили куклу», «Наша читальня», «Октябрята», «Пионеры». Научные споры и дискуссии получают бледные отблески в названиях текстов — «Мичурин», «Урожай».

Идеологемы, отраженные в текстах и иллюстрациях, — *Ленин, мы за мир, праздник Октября* — занимают место в заключительных текстах учебника. Пушкина в нем еще нет. В «Букваре» 1962 г. под редакцией И. Ф. Свадковского появляется ставший затем знаменитым пример: «Мама мыла раму» [Букварь 1962: 23].

Обыденность и заурядность функций человеческих рук заменила сакральные действия из Молитвы Константина: «Руце бо свои выспрь воздею присно, // Силу прияти и мудрость у Тебе» [Родник 1990: 145].

Расширяется ряд продуктов и предметов быта: *мука, крупа, масло, патока, сухари, мыло* остаются примерами для чтения. В связи с политикой партии в области сельского хозяйства появляется рисунок кукурузы: «А это колхоз. Колхозники вырастили высокий урожай кукурузы. Кукурузу убирали машины. Кукуруза дала силос, муку, солому. Это хороший корм домашним животным. Коровы, лошади и козы будут здоровы и сыты» [Букварь 1962: 61, 93]. Впервые на форзаце можно обнаружить скопления букв вместо алфавита. Иллюстрированы они очень мелкими картинками различной тематики, впрочем, относящимися к миру детства, например: *М(едведь) — Д(ом) — З(аяц) — С(амолет, санки)*. В целом изображение представляется как некая неупорядоченность в ущерб порядку.

В 1980-е годы в заключительных текстах учебника появляются по иерархии смыслов эпохи сначала Л. И. Брежнев, а потом и А. С. Пушкин [Горецкий В. Г. 1982: 55, 60]. Букварь для 1-го класса под редакцией С. В. Михалкова [Горецкий В. Г. 1989] впервые открывается портретом Ленина и текстом «Наша Родина — СССР». Продолжается профориентация: «У Пети папа — плотник, папа Веры — повар. У Полины папа — капитан, у Севы — пилот. Папа у Кати — тракторист»; «Вырастет Вера и станет строителем. Слава и Лариса — трактористами. Светлана — таксистом. Виктор, Никита и Тарас — сталеварами. А Павлик — космонавтом. Он полетит на Луну, на Венеру и на Марс. А кем станут Максим, Сева и Роман?». Картинка отвечает: матросами. Полет в космос делает профессию космонавта мечтой миллионов мальчиков. Слава героев войны, городов-героев отражена в текстах и иллюстрациях: «Ордена и медали», «Новороссийск».

И, наконец, современные азбуки включают в себя минимум культурной традиции. Здесь под культурой мы понимаем смыслы человеческой деятельности по созиданию себя и мира или, иными словами, адекватную деятельность человека (субъекта) по освоению мира (объекта) во времени и пространстве. Азбука Н. В. Нечаевой и К. С. Белорусец реализует возможность дописать задание, книгу самому ребенку, приравнивает его к богу-творцу, создающему свой порядок мира. Кроме того, весь предыдущий миропорядок передается с плохо скрытым сарказмом. Нарочитое упрощение культурных процессов демонстрирует утрату смыслов в угоду методикам. Мир-лабиринт символизируется кроссвордами, на одной странице помещается неупорядоченное множество мелких картинок на разную тему, лица у людей искажены, а зеленый заяц, фиолетовый слон, сиреневая улитка, зеленый бегемот символизируют замену порядка на неупорядоченность всего постмодернистского текста.

В учебнике Н. С. Жуковой, рекомендованном ФГОС, буквы в приложении даны в кругах-дисках для самостоятельного сложения. Получаются слова: *слух, хлам, сырьё, мыло, сор, хорошо*, семантически они ничем не связаны и принадлежат к разным стилям. Кроме того, предлагаются задания, казалось бы, весьма полезные (на раскрытие смыслов текста), но они выстроены так, что учащийся вынужден идти путем деструкции. Так, в тексте учебника приведено знаменитое стихотворение И. Резника «Алфавит», а к нему предлагается задание выбрать одну из букв, рассказать о ней, предположить, какой у нее характер (мягкий, настойчивый, веселый, упорный); как этот характер проявляется (*кричит, комментирует, спорит*) [Жукова Н. С. 2012: 110–111].

Сегодня в угоду методическим приемам форма доминирует над глубинными смыслами универсальности мира, его осмысленности. Азбука же задумывалась когда-то в качестве текста, описывающего многообразие сложных, системных и иерархических отношений человека и универсума. С течением времени содержание визуальных и вербальных кодов сменилось на противоположное: принадлежность человека универсуму заменяется утилитарной повседневной практикой и набором идеологем.

Литература

- Богоявленский Л. П. 1926. Ручеек. Букварь для деревенской школы. — М.-Л., 1926.
- Букварь 1962. Букварь / под ред. И. Ф. Свадковского. — М., 1962.
- Бурцов В. 1634. Букварь. — М., 1634.
- Воскресенская А. И. 1945. Букварь. — М., 1945.
- Горецкий В. Г., Кирюшкин В. А. 1982. Букварь для 1-го класса / под ред. С. В. Михалкова. — М., 1982.
- Горецкий В. Г., Кирюшкин В. А., Шанько А. Ф. 1989. Азбука. — М., 1989.
- Даль В. И. 1996. Пословицы русского народа. — М., 1996.
- Жукова Н. С. 2012. Букварь: учеб. пособие. — М., 2012.
- Калайдович К. Ф. 1824. Иоанн, экзарх Болгарский: исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. — М., 1824.
- Маршак С. Я. 1940. Живые буквы / рис. В. Лебедева. — М., 1940. — 32 с.
- Маяковский В. В. 1919. Советская азбука. — М., 1919.
- Нечаева Н. В., Белорусец К. С. 2014. Азбука. — М., 2014.
- Родник 1990. Родник златоструйный: памятники болгарской литературы IX-XVIII вв. / сост. и ред. И. Калиганов, Д. Попытвянный. — М., 1990.
- Смирнов С. А. 2010. Чертов мост: Введение в антропологию перехода. — Новосибирск: НГУЭУ, 2010.
- Смирнов С. А. 2011. Автопоэзис человека. Философские очерки по антропологии стиха. — Новосибирск: НГУЭУ, 2011.
- Смотрицкий М. 1979. Граматика слов'янська (1619) // Підготовка факсимільного видання В. В. Німчука. — Київ: Наукова думка (Пам'ятки української мови), 1979.
- Соловьёва Е. Е., Конашевич В. М. 1918. Розовая азбука. — Петроград, 1918.
- Степанов Ю. С. 1991. Несколько гипотез об именах букв славянских алфавитов в связи с историей культуры // Вопросы языкоznания. — 1991. — № 3.
- Толстой Н. И. Возникновение письма у славян // Энциклопедия словарь юного филолога: (языкоzнание). — М., 1991. — С. 23-46.
- Ушинский К. Д. 1864. Родное слово. — СПб., 1864.
- Ягич И. В. 1910. История славянской филологии. —СПб., 1910.